
А. С. ХОДУНОВ

**ИРАНО-ЕГИПЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI в.
В КОНТЕКСТЕ РЕКОНФИГУРАЦИИ
МИР-СИСТЕМЫ
И ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЯ
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА***

В последние годы резко усилилась трансформация мирового порядка, что происходит на фоне ослабления политического Запада и активизации незападных сверхдержав, а также крупных региональных игроков. На Ближнем Востоке среди них можно выделить Иран и Египет. Эволюция ирано-египетских отношений во многом подвергается влиянию общерегиональных процессов, которые, в свою очередь, в значительной степени связаны с трансформацией миропорядка. Связи Ирана с Египтом были очень тесными до исламской революции в Иране в 1979 г., после чего произошел разрыв отношений вследствие непримиримых противоречий, связанных с внешнеполитической позицией: Египет однозначно встал на сторону Запада и Израиля, а Иран, напротив, начал активно бороться против западного блока. Начиная с «арабской весны» и свержения правительства Х. Мубарака в 2011 г. происходят попытки восстановить ирано-египетские отношения. Важным препятствием для этого некоторое время была разная позиция иранских и египетских властей по сирийскому кризису, однако после египетской контрреволюции 2013 г. Каир

---

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00535 «Борьба за новый мировой порядок и усиление дестабилизационных процессов в Мир-Системе»).

Для цитирования: Ходунов А. С. 2025. Ирано-египетские отношения в первой четверти XXI в. в контексте реконфигурации Мир-Системы и переформатирования Ближнего Востока. *Историческая психология и социология истории* 2: 29–65. DOI: 10.30884/ipsi/2025.02.02.

For citation: Khodunov A. S. 2025. The Iranian-Egyptian Relations in the First Quarter of the 21st Century in the Context of the Reconfiguration of the World System and the Reformatting of the Middle East. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii = Historical Psychology & Sociology* 2: 29–65 (in Russian). DOI: 10.30884/ipsi/2025.02.02.

Историческая психология и социология истории 2/2025 29–65
DOI: 10.30884/ipsi/2025.02.02

отказался от попыток смены власти в Дамаске. Наиболее успешно ирано-египетские отношения стали развиваться после ирано-саудовского примирения 2023 г., после чего происходит активное сближение Ирана с Египтом во многих областях. Этому сближению также способствует некоторое охлаждение отношений египетских властей с Израилем и особенно – вступление обоих государств в объединение БРИКС, что явным образом отражает усиление роли крупных незападных региональных стран в формирующемся миропорядке.

Ключевые слова: *Иран, Египет, Ближний Восток, «арабская весна», реконфигурация Мир-Системы, БРИКС+, египетский переворот 2013 г., Эбрахим Раиси, Абдул-Фаттах ас-Сиси, война в Газе.*

Введение. Что принесла Ближнему Востоку нынешняя фаза борьбы за мировой порядок?

Как известно, Ближний Восток в последние несколько десятилетий, особенно после 2011 г., стал главным мировым центром революционной дестабилизации, вооруженных конфликтов и гражданских войн, в которые, как правило, активно вмешиваются как страны – соседи по региону, так и крупные внерегиональные игроки (см., например: Гринин и др. 2016; Гринин 2020а; Коротаев и др. 2022). Причем складывается впечатление, что мировая общественность в своем большинстве и даже многие эксперты – историки, политологи и социологи – не осознают всю степень массовых лишений и страданий обычных людей на Ближнем Востоке от бесконечной череды гражданских войн и вооруженных агрессий. А масштабы эти не просто огромны: они поистине колоссальны и беспрецедентны даже для такого нестабильного региона. Достаточно сказать, что число погибших в результате вооруженных конфликтов, включая их прямые последствия в виде голода и эпидемий, начиная с 2011 г. в регионе измеряется миллионами. Всего в 2001–2023 гг. в Афганистане, Ираке, Йемене, Пакистане и Сирии, по оценкам, погибли и преждевременно умерли в результате военных конфликтов 4,5–4,7 млн человек, из них 3,6–3,8 млн – от косвенных последствий, таких как голод и эпидемии, в том числе множество детей (Savell 2023).

Для обозначения невиданной геополитической катастрофы, с которой столкнулся регион, можно предложить термин «волны всеразрушающей архаизации», которые по очереди беспощадно накрывают одну ближневосточную страну за другой, сводя на нет результаты и достижения модернизации и развития, накопленные

этими странами в течение десятилетий, и погружая значительную часть их населения в нищету и архаику. Можно посмотреть на любую ближневосточную страну, которая после 2011 г. оказалась подвержена внешней военной агрессии, а также внутренней гражданской войне, обычно тоже имеющей вид грубой вооруженной агрессии одной из ее сторон (или поочередно обеих сторон) против территорий, где проживают иные народы, племена и конфессии. При внимательном анализе становится очевидным, что эти войны – или с самого их начала, или через некоторое время – ведутся отнюдь не только против военных, но и – иногда даже в первую очередь – против мирных жителей, проживающих на территории противника, против их домов, имущества и гражданской инфраструктуры, причем ведутся очень жестоким и безжалостным образом (и очень мощным оружием), часто – с опорой на иррегулярные формирования, которым обычно свойственна куда бóльшая жестокость, чем регулярным войскам. По всей видимости, многие воюющие стороны в регионе просто не ставят себе целью сохранить инфраструктуру и нормальную жизнь мирных жителей на тех землях, которые они хотят завоевать и затем управлять ими. Напротив, они как будто стремятся к полному уничтожению всех следов жизнедеятельности на «враждебной» территории, где живут ненавидимые ими этноконфессиональные группы, чтобы лишить их возможности нормальной жизни и при этом заметную их часть убить, а остальных изгнать. То есть им нужна территория, но без ее коренных жителей. Так что охваченные войной территории – даже там, где поблизости нет никаких военных объектов, а только жилые дома, – буквально разрушаются и сжигаются дотла. В таком случае еще недавно быстрорастущие и динамичные городские кварталы за короткое время превращаются в сожженные и опустевшие развалины, а плодородные сельскохозяйственные угодья – в безжизненную пустошь (см. об этом на примере текущей гражданской войны в Судане: Ходунов 2025).

За пределами Ближнего Востока сходную ситуацию с катастрофическими жертвами и разрушениями можно обнаружить в очень немногих странах, в том числе в соседней с этим регионом Эфиопии – особенно в провинции Тыграй. В ней в ходе войны 2020–2022 гг. погибли от 300 до 800 тыс. человек, в основном от голода и эпидемий. Даже «нижняя» оценка представляет собой совершенно колоссальную цифру для провинции с населением в 5,4 млн человек. Около 10 % местных женщин репродуктивного возраста

были изнасилованы – это также беспрецедентно высокий процент для межнациональных конфликтов; при этом большинство жертв изнасилований не получили никакой медицинской помощи из-за нехватки врачей. К тому же столица провинции, Мэкэле, была в значительной степени разрушена артобстрелом и авиаударами (McClue 2025)¹.

Архаизации в охваченных войнами странах Ближнего Востока подвергаются также социальные процессы и общественные отношения. Интеллигенция – наиболее модернизированная и просвещенная часть общества – или гибнет (часто из-за сознательных, целенаправленных убийств), или эмигрирует, чаще всего на Запад или в благополучную Турцию. Массово и повсеместно разрушаются культурные объекты: памятники архитектуры, церкви и даже мечети «враждебных» воюющим сторонам исламских конфессий, причем больше всего страдают самые знаменитые, старые и красивые здания. Смертность в наиболее пострадавших городах и районах в результате прямых убийств, голода и эпидемий подсакивает с характерных для Ближнего Востока очень небольших значений до катастрофического и аномального для современного мира уровня. Школы, вузы и больницы разрушаются, и в результате множество детей и молодежи перестают получать образование, а больные и раненые лишаются доступа к медицинской помощи. Например, в результате гражданской войны в Судане, идущей с 2023 г., было разрушено 90 % школ и 70 % больниц, множество учителей и врачей были убиты и ранены, 95 % детей школьного возраста нигде не учатся (см.: Hussien, Ahmed 2025). А на смену межконфессиональному миру, пусть зачастую относительному и условному, приходит, как в древние времена, ярая вражда и ненависть к целым

---

¹ Отметим, что народ тиграи – основное население провинции – близкородствен арабам, говорит на языке тигринья семитской группы (хотя он уже не взаимопонимаем с арабским) и происходит из Йемена, как и другие семитоязычные народы Северной и Центральной Эфиопии и Эритреи. Так что в целом можно вполне справедливо утверждать, что основная тяжесть дестабилизации, происходящей при нынешнем изменении миропорядка (со всеми ее последствиями в виде интенсивных внутренних гражданских войн, внешних агрессий, массовых убийств, в том числе множества мирных жителей из-за пробуждения ненависти к ним по национальному/религиозному признаку, массовых перемещений людей, масштабных разрушений жилых домов, промышленности, инфраструктуры), на данном этапе ложится на плечи арабов и близкородственных им народов Эфиопии. Из последних особенно сильно страдают тиграи, но также и амхара: в амхарских районах уже несколько лет идет гражданская война, хотя и вялотекущая.

группам людей лишь на основе их этнической или конфессиональной принадлежности, что вызывает всплеск убийств по национальному и религиозному признаку. В религиозно-идеологическом плане наиболее иллюстративным примером такой демодернизации и отката в архаику стал феномен запрещенного в России ИГИЛ. Разумеется, массовой поддержкой большинства местного населения это квазигосударство с его радикально-террористическими практиками, включая истребление/изгнание всех религиозных меньшинств (курдов-езидов, христиан, шиитов и др.) и разрушение памятников культурного наследия, не пользовалось. Однако на определенном этапе оно сосредоточило в своих руках огромную территорию и ресурсы и мобилизовало десятки тысяч радикально настроенных (при этом преимущественно малообразованных и живущих в отчаянной бедности) сторонников со всего региона взамен на существенные выплаты. Для его ликвидации потребовались огромные усилия со стороны мирового сообщества, включая Россию (см.: Мендкович 2015; Filin *et al.* 2022). Возникновение ИГИЛ отражает глубокие тенденции стремительного роста радикализма и террористической активности в условиях падения прочных светских режимов на Ближнем Востоке. Только за 2010–2014 гг. число терактов в этом регионе выросло с 1,5 тыс. до 6,3 тыс., а «эхо» ближневосточного терроризма можно было наблюдать во многих других регионах мира (см.: Исаев и др. 2020).

Количество беженцев и перемещенных лиц в регионе достигает десятков миллионов, причем часто эти люди безвозвратно теряют свои дома и все свое ценное имущество. Три страны мира с самым высоким числом беженцев и внутренне перемещенных лиц в 2024 г. находились именно на Ближнем Востоке: Судан – 14,3 млн, Сирия – 13,5 млн и Афганистан – 10,5 млн. На эти страны в совокупности при менее 2 % мирового населения приходится целых 31 % от мирового числа беженцев и перемещенных лиц. А наиболее высокий в мире процент внутренне перемещенных лиц, по данным ООН, наблюдается в секторе Газа – более 90 %, причем очень многие палестинцы были вынуждены по нескольку раз менять свое место временного пребывания (см.: Global... 2025). Количество крупных (свыше 300 тыс. жителей на момент начала вооруженной дестабилизации) ближневосточных городов, разрушенных (полностью или в значительной части) в результате военных действий после 2011 г., приближается к десяти. Некоторые из них были разрушены главным образом не собственными войсками или повстанческими во-

оруженными группировками, а внешними силами (в основном США, но также Израилем). Пожалуй, самый недавний и актуальный пример, который у всех на слуху, – это массовые катастрофические разрушения жилых кварталов в городе Газа израильской авиацией: там разрушено и повреждено 60 % всех домов, что подтверждается снимками со спутников и с беспилотников. Благодаря интенсивному освещению в мировых СМИ, включая даже некоторые крупные западные СМИ, например *The Guardian* (см.: Graham-Harrison *et al.* 2025), страдания палестинцев сектора Газа стали широко известны мировой общественности, – в отличие, например, от страданий жителей полуразрушенного г. Хомс в Сирии, которым мировые СМИ уделили гораздо меньше внимания².

Помимо обнищания, разрушения целых регионов и опустения городских кварталов, к последствиям «волн всеразрушающей архаизации» относится также стремительный рост вдовства. Например, многие алавитские деревни Сирии из-за массовой гибели мужчин в интенсивных военных действиях полны молодых вдов: вдовы есть чуть ли не в каждой семье. Самых алавитов в Сирии

---

² Нужно отметить, что разрушения заметного количества ближневосточных городов начались значительно раньше «арабской весны» – еще в 1980-е гг. В одном только 1982 г. серьезно пострадали такие крупные города, как Бейрут в Ливане в результате очень мощных израильских бомбежек, от которых погибли 9,5 тыс. его жителей (Кузнецов 2017: 63), и, в еще большей степени, Хамá в Сирии. Центр города, где скрывались повстанцы, был полностью разрушен регулярной армией с помощью артиллерии, авиации и танков, и там погибли, по разным данным, от 10 тыс. до 40 тыс. жителей. При этом ООН и мировые СМИ почти не упоминали о трагедии в Хама (The 40th... 2022; 40 years... 2025). Однако основной ущерб в 1980-е гг. понесли города Ирана, который подвергся агрессии иракского режима Саддама Хусейна: всего иракская авиация бомбила 127 иранских городов по всей стране, чтобы нанести как можно больше ущерба мирным горожанам и сломить боевой дух иранских военных на фронте путем убийства их семей в тылу. Особенно серьезно пострадали от бомбежек и артобстрелов приграничные с Ираком города: в первую очередь крупный центр нефтяной промышленности Абадан, кстати, населенный преимущественно арабами (он подвергся особо катастрофическим разрушениям, и в нем погибли около 1 тыс. человек, включая около 300 женщин), один из крупнейших городов Ирана Ахваз, Хорремшехр (в населении этих городов также большую часть составляют арабы), а также Дизфуль, Керманшах и некоторые другие (см.: Алиев 2002: 648–657; ‘Alāyī 2019; Rahimi 2025). То есть от действий войск С. Хусейна, помимо персов, массово гибли также их собственные соплеменники – арабы. Ответные иранские обстрелы иракских городов велись с гораздо меньшей интенсивностью и намного осторожнее, за исключением приграничной Басры, которая получила существенный урон (Алиев 2002: 666). Нельзя не заметить, что на Ближнем Востоке начиная с 1980-х гг. и до сих пор особо интенсивным разрушениям подвергаются именно города с арабским большинством.

называют «конфессией, у которой не осталось мужчин [боевого возраста]». И это несмотря на то, что города и деревни с большинством алавитов расположены в основном на относительно спокойном сирийском побережье, которое всю войну находилось под прочным контролем центральной власти и поэтому почти не было задето разрушениями. Всего в Сирии в начале 2016 г., по оценкам, насчитывалось около 1 млн вдов (каждая шестая женщина), среди них много молодых женщин с несколькими детьми. В соседнем Ираке насчитывается целых 3 млн вдов. А ведь на Ближнем Востоке семьи во главе со вдовами особенно подвержены бедности и социальной дискриминации, так что рост доли вдов неизбежно ведет к росту дискриминации и уязвимости женщин, особенно в провинции (Šāhīn 2016). Рост числа вдов в значительной степени перечеркивает достижения арабских светских правительств по эмансипации женщин.

Катастрофические разрушения многих ближневосточных государств, вне всякого сомнения, тесно связаны с последствиями массовой революционной волны, начавшейся в 2011 г. и получившей название «арабская весна». В некоторых странах, особенно в тех, которые отличались весьма хрупким межэтническим и межконфессиональным балансом (в частности, Ираке, Ливии, Сирии, Афганистане), последствия массовых революционных движений или внешних агрессий – иногда осуществлявшихся в поддержку этих движений, как в Ливии, – оказались особо катастрофическими и переросли в затяжные гражданские войны с ожесточенным интенсивным убийством мирных жителей и целенаправленным разрушением когда-то благоустроенных городов и деревень (Наумкин 2015). Если посмотреть на ближневосточные события в мировом контексте, то окажется, что «арабская весна» ознаменовала собой реконфигурацию Мир-Системы. Иначе говоря, арабские революции, синхронно охватившие (с разной степенью интенсивности) весь арабский мир и выдвинувшие прогрессивные социально-политические требования, начали процесс коренных структурных изменений в политической составляющей всего мира. Правда, при реконфигурации мира больше всего страдают как раз наиболее неустойчивые регионы и зоны пересечения интересов сверхдержав, что справедливо прежде всего для Ближнего Востока. Однако в долгосрочной перспективе для региона прогнозируются определенные позитивные изменения: постепенное органичное встраивание ближневосточного исламизма как господствующей в регионе идеологии в общеми-

ровой дискурс при одновременном уменьшении радикализма, снижении остроты межрелигиозных и межконфессиональных противоречий и росте уважения к демократии (Гринин 2012; 2020б). Впрочем, к настоящему времени эти революции только усугубили имевшиеся проблемы в арабском мире (Grinin, Korotayev 2022) и не принесли никакого прогресса – в том числе и в плане развития демократии (даже в Тунисе, где первоначально наблюдались очевидные демократические перемены, в последние годы возник куда более жесткий авторитаризм, чем при свергнутом З. А. Бен Али [Grinin 2025]), не говоря уже об обрушении благосостояния и вообще стабильной жизни десятков миллионов жителей стран, охваченных «арабской весной».

Крупнейшее межарабское объединение – Лига арабских государств (ЛАГ) – оказалось не в состоянии обеспечить единство и взаимопомощь арабских стран на фоне постигшей регион катастрофы, раскололось на несколько групп и фактически самоустранилось от решения общеарабских проблем и вызовов (Мелкумян 2021: 121–124). Только ближневосточные монархии (причем именно исламские, которые строят свою легитимность на покровительстве традиционному исламу, в отличие от светских монархий, которые боролись с традиционным духовенством, типа династии Пехлеви в Иране) оказались способны противостоять наплыву революционной дестабилизации и смягчить давление «молодежного бугра» – повышенной доли молодежи в населении, которая наблюдается почти во всех странах региона и стала одним из мощнейших факторов дестабилизации для ближневосточных республик (о причинах устойчивости монархий в регионе см.: Хохлова, Коротаев 2020). И даже небогатые Иордания и Марокко, где правящие династии смогли противостоять в высшей степени серьезным попыткам их свержения в 1970-х гг., могут сегодня похвастаться завидной политической стабильностью.

Разумеется, революционерами в арабском мире (теми, кто применял мирные, ненасильственные методы) двигало желание принести пользу своим странам – так, как они ее понимали. Они просто не могли предвидеть, какими катастрофическими последствиями обернутся их массовые выступления во многих странах (в диапазоне от затяжного экономического кризиса, который прервал бурный рост перед революцией, и до разрушительных гражданских войн). К тому же образовавшимся революционным хаосом сразу же воспользовались внешние игроки, начиная от поставок оружия од-

ной из сторон и вплоть до интенсивных бомбежек городов. Если бы протестующие и их лидеры могли предугадать, чем обернутся их выступления, они, скорее всего, их и не начинали бы, а потратили свое время и силы на гораздо более полезные и менее рискованные дела, чем бунт против собственной власти, да еще в настолько взрывоопасном регионе.

Тем более что в арабском мире в 2010-е гг. существовало множество социально-экономических проблем, которые нуждались в срочном решении, и значительно улучшить ситуацию можно было бы и без такого рокового шага, как свержение стабильно функционирующих правительств, часть которых к тому же сама была искренне заинтересована в модернизации своих стран, как в случае Египта и Туниса (о серьезных и глубоких реформах тунисской администрации З. А. Бен Али см.: Подцероб 2007). Представляется, что «магистральный путь», по которому следовало бы пойти самым активным и образованным представителям арабской молодежи, – это вовсе не революции, а борьба за просвещение общества в широком смысле. В первую очередь речь идет об острой необходимости ликвидации неграмотности – особенно среди женщин. В Тунисе, например, в 2010 г. 28,9 % женщин старше 15 лет были неграмотными, а в Египте – даже 36,5 %. Притом что, скажем, на Шри-Ланке с сопоставимыми доходами на душу населения было лишь 10 % неграмотных женщин, и даже в гораздо более бедной Замбии – 21,9 % (World Bank 2025). Помимо проблемы неграмотности, существует также проблема явно недостаточного получения знаний для грамотной части населения: регион остро нуждается в развитии книгоиздательства и переводческой деятельности, так как в арабском мире к моменту начала «арабской весны» издавались преимущественно книги по религиозной тематике, в то время как книгоиздательство по другим сферам жизни, включая современные отрасли экономики и технологии, совершенно недостаточно развито. Книги светской направленности, как правило, выпускаются очень небольшими тиражами. А переводческая деятельность и вовсе была крайне скудной, отличалась низким качеством и полностью была лишена какой-либо системности, что препятствовало ознакомлению арабского общества с достижениями мировой художественной литературы и общественно-политической мысли, а также с экономическими инновациями (Глебова 2010). Конечно, развитие Интернета должно было смягчить эту проблему. Но если в арабском мире издается и переводится лишь небольшое количество названий

книг и журналов, то даже если их все выложить в Интернет в открытый доступ (а выложены, разумеется, далеко не все книги), то их наименований все равно не будет достаточно, особенно для тех, кто желает всерьез ознакомиться с современными отраслями знаний.

Нужно также учесть, что регион Ближнего Востока и Северной Африки по большинству основных показателей социально-экономического развития в 2000-е гг. опережал фактически только два самых бедных региона мира – Тропическую Африку и Южную Азию, отставая не только от развитых стран Запада и от Восточной Европы, но даже от Латинской Америки и Восточной Азии. Арабский мир к тому же, несмотря на неплохие показатели продолжительности жизни и охвата молодежи средним образованием, отличался весьма низкой эффективностью государственных институтов, а также низкими расходами на высшее образование и особенно на науку. Доля расходов на НИОКР – важный показатель подготовки экономики к современным вызовам – в арабских странах во второй половине 2000-х гг. была катастрофически низка – 0,2–0,3 % ВВП при 0,8 % в Южной Азии и 4,7 % в Израиле (см. об этом: Мельянцева 2014).

Поэтому арабским молодежным активистам следовало бы тщательно изучить материалы по истории экономического прорыва развитых стран Азии, не обладающих большими запасами нефти (Япония, Тайвань, Южная Корея, на Ближнем Востоке – Израиль и, в меньшей степени, Турция), чтобы попробовать применить некоторые подходящие аспекты их опыта к своим странам, включая такие актуальные для региона аспекты, как изменение отношения к труду, развитие трудовой дисциплины и др., или, по крайней мере, просвещать общество о необходимости этих реформ, если бы в итоге их не получилось реализовать на практике. Но революционные силы наивно понадеялись на то, что смена власти автоматически приведет к быстрому решению накопившихся проблем. Хотя на самом деле многие проблемы региона после их массовых выступлений стали на сегодняшний момент вообще нерешаемыми, а огромный экономический ущерб только усугубил отставание Ближнего Востока от остального мира. А кое-где выступления и жесткая реакция властей на них даже запустили спираль разрушительной вооруженной дестабилизации – разумеется, не из-за прямой вины протестующей молодежи, которая не желала и даже не предвидела такого исхода, а из-за косвенных последствий ослабления центральной власти (часто – на фоне внешнего вмешательства) в стра-

нах с очень хрупким конфессиональным/племенным балансом. Как бы то ни было, глубокие региональные и глобальные перемены, которые запустили массовые молодежные выступления «арабской весны», уже просто невозможно остановить.

Очень важно подчеркнуть, что процесс реконфигурации Мир-Системы происходит на фоне ее глубокой геополитической трансформации: идет постепенное ослабление старого миропорядка, основанного на гегемонии Запада, и одновременно начал образовываться новый порядок, в котором формируются новые западные центры (например, Индия, Бразилия) и возрождаются старые (Россия, Китай). Особенно серьезную роль в меняющемся мировом порядке начинают играть союзы государств Евразии – ШОС, БРИКС+, ЕАЭС, – которые становятся альтернативой западным союзам и проектам (о борьбе за мировой порядок см.: Гринин 2023; Гринин и др. 2024). Этот процесс является благоприятным для крупных региональных игроков, у которых до недавнего времени не было больших возможностей, чтобы активно проявить себя.

Важность Ирана и Египта для формирующегося миропорядка: демографический аспект

В рамках данной статьи особый интерес представляют Иран и Египет – крупные ближневосточные страны, которые начинают проводить все более активную внешнюю политику на фоне глобальных перемен. Очень важно, что общественность обеих стран, несмотря на революцию с сотнями погибших в Египте в 2011 г. (см.: Коротаев, Зинькина 2011) и эпизод массового протестного движения с сотнями жертв в Иране осенью 2022 г. (Филин и др. 2023: 334–340), оказалась достаточно мудрой, чтобы не допустить скатывания ситуации в гражданскую войну. Если учесть социально-демографические особенности Египта (сосредоточение огромного большинства населения – 97 % – на узкой полосе территории в дельте и долине Нила, то есть менее 5 % площади страны [Ischinger, Jorgensen 2010: 18]) и Ирана (в нем проживает более 60 народов, этнических групп и племен, а персы составляют лишь около половины населения), то, случись здесь гражданские войны, они имели бы поистине непредсказуемые последствия. Благодаря наличию устойчивой центральной власти эти страны сохраняют и большой потенциал для активной внешнеполитической деятельности и расширения своего влияния. Правда, Египет на долгое время после революции 2011 г. «ушел в тень» и слабо проявлял себя, бу-

дучи занят послереволюционным восстановлением. Такая внешне-политическая пассивность Каира была довольно необычной, и на нее обратили внимание многие в арабских странах (и за их пределами), учитывая, что Египет исторически был признанным лидером в арабском мире, особенно в 1950–1960-е гг. при Г. А. Насере (см. о нем: Сейранян 2006: 9–11). Однако в последние годы эта страна все увереннее заявляет о себе не только в регионе, но и в мире. Иран же не прекращал активную внешнюю политику (при этом сильно идеологизированную) начиная с исламской революции 1979 г., а в настоящее время активно включился в военное противостояние с Израилем.

Отдельно необходимо отметить весьма значимый факт, которому не всегда уделяется достаточно внимания при геополитическом анализе. А именно – обе эти страны, особенно Египет, отличаются весьма значительным на общемировом фоне ростом населения. Это обстоятельство особенно примечательно с учетом недавно начавшейся, но при этом очень быстрой и масштабной убыли населения в таком крупном регионе мира, как Восточная Азия. Так, в Китае с июля 2024 по июнь 2025 г. естественная убыль населения, по прогнозу Отдела народонаселения ООН, составленному в 2024 г. (краткосрочные прогнозы этой организации представляются достаточно точными), должна была составить 3,23 млн человек, а в Японии – 650 тыс. человек. В то же самое время естественный прирост в Египте составил 1,83 млн человек, а в Иране – 850 тыс. человек. Таким образом, если говорить о демографических процессах в мировом контексте, то прирост населения в этих двух ближневосточных странах почти на 70 % «компенсировал» убыль в двух крупнейших государствах Восточной Азии (см.: UN Population Division 2024). Получается, что Ближний Восток (включая Северную Африку), несмотря на пока еще относительно небольшую долю в мировом населении (около 5 %), в условиях обвальной естественной убыли в самом густонаселенном регионе мира – Восточной Азии – начал играть огромную роль в поддержании стабильного воспроизводства и устойчивого роста населения в мировом масштабе.

Примечательно, что, хотя в Иране уже в 2000 г. суммарный коэффициент рождаемости опустился ниже простого воспроизводства, а в 2023 г., по данным Всемирного банка, составлял всего 1,7 (или только 80 % от уровня простого воспроизводства поколений), население Ирана даже четверть века спустя продолжает достаточно

быстро расти – очевидно, благодаря пока еще небольшой доле пожилых и необычно высокой для развивающихся стран продолжительности жизни (на уровне Восточной Европы), что в совокупности обеспечивает чрезвычайно низкий общий коэффициент смертности (в пределах 5 ‰). Хотя общий коэффициент рождаемости в Иране и необычно низок для ближневосточных стран (13–14 ‰ за последние несколько лет), но благодаря очень низкой смертности даже такой показатель все равно обеспечивает ощутимый прирост. Что же касается Египта, то там суммарный коэффициент рождаемости, напротив, значительно превышает уровень простого воспроизводства, снижается медленно и составляет 2,8 в 2023 г., благодаря чему рождаемость остается достаточно высокой – 21–22 ‰. Смертность, как и в Иране, очень низка и колеблется в районе 5–6 ‰, что обеспечивает высокий прирост (World Bank 2025).

При этом проблема перенаселения в Египте стоит очень остро, особенно в крупных городах. Некоторые кварталы Каира со стихийной, внеплановой застройкой, в частности Дар-эс-Салам и Булак-эд-Дакрур, можно сказать, уже «безнадежно» перенаселены: люди проживают там в условиях крайней скученности, дома буквально нависают друг над другом, парки и зеленые зоны отсутствуют, а плотность населения невероятно высока и составляет 70 тыс. человек на 1 км² (Parzonko 2022). Очевидно, что к такой тяжелой ситуации привела не только массовая миграция крестьян из деревень, но и очень высокая рождаемость коренных жителей этих районов: ведь еще в 1990-е и тем более в 1980-е гг. в Каире наблюдалось колоссальное расслоение отдельных округов по уровню рождаемости – от менее 2 в богатой центральной части города (ниже простого воспроизводства) до более 3,5 на бедных и перенаселенных северных и западных окраинах. Максимальный уровень рождаемости в одном из кварталов в 1986 г. составлял 7,4, а минимальный – 1,09; в 1996 г. эти значения составили 5,84 и 1,00 (Weeks *et al.* 2004). В связи с этим власти Египта всерьез задумались о переносе столицы, а также начали пропагандировать снижение рождаемости и планирование семьи под лозунгом «два ребенка – достаточно», особенно в наиболее бедных мухафазах, что уже начало давать результаты в виде ускорения снижения рождаемости (Salem 2025). В Иране проблема перенаселения не стоит столь остро, так как в нем гораздо больше пригодных для жизни территорий. Однако там существует чрезвычайно острая проблема опустынивания и нехватки чистой питьевой воды из-за стремительного пересыхания

озер и рек в связи с чрезмерным забором воды для нужд сельского хозяйства, значительным учащением засух, сокращением осадков и некоторыми другими факторами. Достаточно сказать, что одно из крупнейших в мире соленых озер, Урмия, фактически пересохло, а в трех плотинах, снабжающих Тегеран водой, ее уровень в сентябре 2025 г. достиг критически низких значений (Wintour 2025).

Вышесказанное означает, что численность населения рассматриваемых стран не стоит на месте, а, напротив, быстро увеличивается. Особенно хорошо это видно в долгосрочной перспективе. Только за вторую половину XX в., с 1950 г. до 2000 г., население Египта выросло с 21,1 млн до 73,1 млн человек, – на 52 млн, или в 3,5 раза (в среднем 2,5 % за год). Население Ирана за это же время увеличилось с 16,5 млн до 66,4 млн человек, – на 49,9 млн, или в 4,0 раза (в среднем 2,8 % в год). В последние десятилетия темпы роста населения в Египте и особенно в Иране существенно снизились, но прирост в абсолютных числах все еще очень большой. В июле 2025 г. население Египта составило 118,4 млн человек (первое место на Ближнем Востоке, если не считать Пакистан) и выросло за четверть века на 45,3 млн, или в среднем на 1,9 % за год. Население Ирана оказалось равно 92,4 млн человек и увеличилось за это же время на 26 млн, или на 1,3 % в год (UN Population Division 2024). Если сравнить их с населением России (146,0 млн человек, по данным Росстата на 1 января 2025 г. [Росстат 2025]), то численность населения Ирана составит более 60 % от российского, а Египта – даже более 80 %, и этот процент с каждым годом растёт. Обе страны также в последние годы обогнали по численности населения крупнейшую страну Западной Европы – Германию, которая давно уже поддерживает свою численность только за счет иммиграции – прежде всего как раз с Ближнего Востока. В то время как Египет и Иран, наоборот, вот уже много десятилетий поставляют большое количество мигрантов в Западную Европу, Северную Америку и некоторые арабские страны Персидского залива, однако это не мешает им быстро увеличивать свое население.

Вместе с ростом населения растёт и геополитический вес двух этих стран, и к сказанному в Тегеране и Каире начинают прислушиваться не только региональные страны, но и мировые державы. Иран до самого недавнего времени обладал целой сетью преданных союзников в регионе и, несмотря на потерю Сирии, до сих пор сохраняет серьезное влияние в Ираке и Южном Ливане (Slavin 2025), а Египет, помимо своей все более активной внешней политики,

уверенно укрепляет свои позиции также в качестве одного из крупнейших мировых торговых и логистических центров (Egypt's... 2025).

Необходимо также указать, что совсем недавно на Ближнем Востоке произошли серьезные геополитические перемены: Египет и Иран (а также Объединенные Арабские Эмираты) в январе 2024 г. стали полноправными членами межгосударственного объединения БРИКС+, которое играет все более серьезную роль в международной геополитике и изменении миропорядка. Все это обуславливает актуальность темы данной статьи: особенности изменения ирано-египетских взаимоотношений на фоне трансформации мирового порядка.

Целью статьи является определение эволюции ирано-египетских отношений в течение первой четверти XXI в., с особым вниманием к периоду после начала «арабской весны». Эти отношения прошли несколько этапов, пережили взлеты и падения, но в настоящее время находятся на траектории устойчивого роста. В статье преимущественно используются проблемно-хронологический, сравнительно-исторический и количественно-статистический методы, а также применяется метод дискурс-анализа при рассмотрении выступлений руководителей и общественных деятелей двух стран.

Ирано-египетские отношения от Иранской революции 1979 г. до египетской революции 2011 г.: стабильное недоверие

Вначале представляется необходимым сказать несколько слов об историческом контексте, в котором развивались ирано-египетские отношения. До египетской революции 1952 г. отношения шахского Ирана с королевским Египтом были достаточно тесными – вплоть до бракосочетания египетской принцессы Фаузии Фуад и будущего шаха Мохаммеда-Реза Пехлеви в 1939 г.; правда, брак их в 1945 г. распался по личным причинам. Во время своего шестилетнего пребывания в Иране Фаузия успела много сделать в сфере благотворительности и повышения роли женщин в обществе, а также укрепляла ирано-египетские связи в области культуры и искусства (Beyond... 2023).

В период правления Г. А. Насера с его подчеркнутым арабским национализмом и антимонархическим настроением отношения между двумя странами стали значительно более напряженными. Насер к тому же в 1963 г. предоставил убежище деятелям иранской оппозиции в лице умеренно-исламистского Движения за свободу Ирана

(ДСИ), которое на родине подвергли репрессиям. ДСИ обучало в Египте иранскую молодежь методам партизанской войны. Однако его представителям не понравилось усиление арабской националистической риторики по отношению к Ирану, а также требование Насера начать активные действия против шаха, которое они считали преждевременным, и ДСИ покинуло Египет в 1966 г. (Qoli-Tāyefe, Kiyāni 2016: 109).

Насер неоднократно называл шаха марионеткой Америки и Израиля и заявлял, что он не является настоящим мусульманином; в этом плане его риторика напоминала речи главного внутреннего врага Мохаммеда-Реза, аятоллы Хомейни. Шах, в свою очередь, опасался, что Насер может активизировать сепаратизм в населенном арабами Хузестане, а также считал, что египетский президент каким-то образом участвовал в свержении иракской монархии в 1958 г.: демонстративно жестокое убийство почти всех членов королевской семьи соседней страны глубоко обеспокоило иранского монарха. Однако после прихода к власти более прагматичного и осторожного Анвара Садата ирано-египетские отношения вернулись на прежний доверительный уровень, и между двумя правителями установилась тесная дружба (Iddon 2019). Одновременно режим шаха с начала 1950-х гг. интенсивно развивал отношения с Израилем, фактически признав это государство при отсутствии формальных дипломатических отношений, хотя большинство иранцев тогда были настроены против Израиля и сочувствовали арабам, особенно духовенство. Израиль тесно сотрудничал с Ираном во множестве областей, включая медицину, сельское хозяйство, науку, образование, туризм, передовые технологии и даже военно-техническую сферу (Месамед 2007).

Это партнерство было настолько тесным, что еврейское государство в 1970-х гг. получало из Ирана 90 % нефти. Однако именно израильтяне помогли шаху создать печально известную политическую полицию САВАК, которая занималась репрессиями против иранских оппозиционных движений и интеллектуалов. Во внешней политике Иран использовал свои связи с Израилем для помощи Египту. В частности, Мохаммед-Реза играл роль посредника между Египтом и Израилем после войны 1973 г. Наследный принц Ирана Реза Пехлеви принял участие в церемонии по случаю открытия Суэцкого канала в 1975 г. (Kashani-Sabet 2023: 9–12), после того как Иран два года активно вкладывал средства в его очистку и восстановление. Взаимное доверие двух правителей достигло такого уров-

ня, что шах называл Садата своим «дорогим братом». Иран также снабжал Египет займами в обмен на использование египетских портов в Средиземном море (Entessar 1993: 165).

Все радикально изменилось после исламской революции в Иране в 1979 г. и особенно после убийства А. Садата в 1981 г. Новый иранский режим заявил, что не признает существование государства Израиль, считает эту страну орудием колониально-гегемонистской экспансии Запада на Ближнем Востоке и будет бороться против любой формы его укрепления и легитимации в регионе, в том числе и против тех правительств, которые признают право Израиля на существование. Новый полновластный правитель Ирана аятолла Хомейни не жалел слов для осуждения А. Садата за подписание Кэмп-Дэвидского соглашения с Израилем в 1978 г., а в самом соглашении он усмотрел заговор с целью легитимации Израиля и нанесения ущерба палестинцам и арабскому миру в целом, в том числе и потому, что президент США Дж. Картер и особенно шах убеждали Садата установить отношения с Израилем. По личному указанию Хомейни в апреле 1979 г., в ответ на сближение Садата с Израилем, временное правительство Ирана разорвало дипломатические отношения с Египтом, чтобы наказать его за «великое предательство» ислама и мусульман (Emām-e... 2012).

Хотя это соглашение, окончательно оформленное в 1979 г. в виде египетско-израильского мирного договора, имело для национальных интересов Египта целый ряд положительных моментов: оно сразу же обеспечило возвращение Синайского полуострова, потерянного после Шестидневной войны 1967 г., который Садат не сумел вернуть военным путем, а в долгосрочной перспективе помогло Египту радикально сократить военные расходы (с более 20 % ВВП в 1976 г. до 2 % ВВП в 2009 г.), направив высвободившиеся средства на развитие экономики и одновременно сохранив жизни своих солдат, которые больше не погибали тысячами в тщетных попытках победить Израиль. Также США с 1979 г. выделяют Египту ежегодно 1,3 млрд долларов военной и 250 млн долларов экономической помощи, так что Египет превратился во второе (после Израиля) государство в мире по объемам получаемой американской помощи (Makovsky 2011).

Отношения с Ираном дополнительно осложнились в связи с тем, что Египет приютил свергнутого шаха и его семью и отказался выдать его новым исламским властям Ирана для суда. Сами же Са-

дат и Хомейни друг друга просто не могли терпеть: Садат назвал аятоллу «сумасшедшим», а после смерти шаха похоронил того в Каире с почестями, подчеркнув тем самым старую дружбу с ним; Хомейни в ответ призвал мусульман Египта восстать и свергнуть «предателя ислама» Садата так же, как мусульмане Ирана свергли шаха (Iddon 2019). К тому же Египет в апреле 1980 г. разрешил США воспользоваться своими аэродромами для проведения операции по освобождению своих дипломатов, захваченных радикально настроенными сторонниками Хомейни в американском посольстве в Тегеране; операция, впрочем, потерпела полный крах, и заложники были освобождены только в январе 1981 г. при посредничестве Алжира (Багиров 2006: 94). Во время ирано-иракской войны египтяне гораздо больше симпатизировали Ираку, в том числе и потому, что в тогда богатом Ираке трудились 1 млн египтян. Новый египетский президент Х. Мубарак оказывал всяческую поддержку режиму С. Хусейна. Египет предоставил иракцам противопехотные артиллерийские снаряды для отражения атак иранской пехоты, использовавшей тактику людских волн (Iddon 2019). Все это не могло не раздражать исламский режим.

В русле политики бескомпромиссной дипломатической борьбы против Израиля и тех арабских лидеров, кто пытается с ним помириться, Иран стал официально прославлять радикального исламиста офицера Х. Исламбули – убийцу президента Садата, назвав в честь него одну из главных улиц Тегерана, чем вызвал (предсказуемым образом) возмущение египетских властей, которые еще более усилили поддержку Ирака в противостоянии с Ираном. Также Египет в 1980-е и 1990-е гг. обвинял Иран в спонсировании организаций исламских экстремистов и в укрывательстве исламистов, совершивших покушение на Х. Мубарака в Аддис-Абебе в 1995 г. Иранские официальные лица, в свою очередь, продолжали обвинять Египет в предательстве интересов ислама и, следуя заветам Хомейни, требовали от него немедленного разрыва Кэмп-Дэвидских соглашений как условия для полноценного восстановления отношений. Однако в период правления президента М. Хатами (1997–2005 гг.) Иран, переведя внешнюю политику на более прагматичные рельсы, несколько смягчил свой подход и в 2004 г. отменил скандальное переименование улицы. В этот период (декабрь 2003 г.) состоялась первая за долгое время встреча президентов двух стран, М. Хатами и Х. Мубарака, в Женеве. Стороны в 2004–2005 гг. договорились о сотрудничестве в сфере торговли и управления водными ресурсами (Багиров 2006: 94–97). В декабре 2005 г.

Иран выдал Каиру Мустафу Хамза, подозреваемого в покушении на Мубарака в 1995 г. (Iddon 2019). Несмотря на недовольство Запада и Саудовской Аравии иранской ядерной программой, Египет в ноябре 2009 г. занял нейтрально-доброжелательную позицию, подтвердив право Ирана на мирный атом, но осудив Тегеран за несвоевременное информирование МАГАТЭ о строительстве ядерных объектов (Кожанов 2010). Однако, несмотря на эти взаимные жесты доброй воли, дипломатические отношения так и остались разорванными.

Особенности двусторонних отношений в период послереволюционной турбулентности в Египте (2011–2013 гг.): «потепление» при сохранении серьезных противоречий

«Арабская весна», начавшаяся 17 декабря 2010 г. в Тунисе, неожиданно быстро привела к свержению президента З. А. Бен Али 14 января 2011 г. и стремительно перекинулась на Египет, где меньше чем через две недели, 25 января, прошли миллионные протесты с требованием отставки президента Х. Мубарака. 11 февраля 2011 г. египетская революция победила: в этот день Мубарак ушел в отставку, передав власть военным, что открыло дорогу для восстановления ирано-египетских отношений. В самом Иране также можно было наблюдать отголоски событий «арабской весны». 14 февраля в Тегеране собрались от нескольких десятков до нескольких сот тысяч протестующих, которые начали требовать отставки президента М. Ахмадинежада и даже Верховного лидера А. Хаменеи, а также выдвинули показательный лозунг «Нам не нужны Газа и Ливан [то есть финансирование союзных Ирану группировок ХАМАС в секторе Газа и «Хезболла» в Ливане], нам важны Тунис, Египет и Иран». Массовые демонстрации прошли также в других крупных городах Ирана. Их открыто поддержал лидер оппозиционного Зеленого движения (оно состоялось в июне – декабре 2009 г.) Мир-Хосейн Мусави, находившийся тогда под домашним арестом (Месамед 2011а). Однако эти протесты быстро сошли на нет, никак не отразившись на политической стабильности Ирана.

Иранское руководство рассчитывало, что революционная волна «арабской весны» вместо светских режимов приведет к власти исламистов, и даже надеялось, что эти исламисты, несмотря на свою принадлежность к суннитской конфессии, решат стать союзниками шиитской Исламской Республики, в том числе в ее борьбе против Израиля и США. Поэтому арабские революции в Иране были на-

званы с самых высоких трибун «исламским пробуждением», которое явилось результатом – ни много ни мало – исламской революции в Иране и должно привести к установлению в них исламской республики. С такими тезисами выступили сам Али Хаменеи (он также назвал Х. Мубарака слугой Израиля и Америки, подобно тому, как его предшественник называл А. Садата), некоторые его представители в провинциях и его военные советники. Авторитетный аятолла Насер Макарем Ширази даже попросил египтян выбрать религиозного деятеля в качестве нового лидера страны. Впрочем, крупнейшее египетское исламистское движение, запрещенная в РФ организация «Братья-мусульмане», сразу же отвергло заявления Хаменеи, заявив, что революция стала результатом активности самых разных групп египетского общества и что исламисты не собираются навязывать свою волю остальным египтянам (Месамед 2011б). Позднее, в декабре 2012 г., аятолла Хаменеи продолжал называть арабские революции 2011 г. плодом революции 1979 г. в Иране, однако заявлял, что Иран не хочет заставлять арабов-суннитов становиться персами и шиитами и не собирается навязывать арабским странам свою модель власти *вেলাят-э факих* (полновластное правление самого авторитетного шиитского богослова), а лишь стремится к счастью и равноправию всех мусульманских народов (Хāмене'и 2013). Только в случае одной арабской страны – Сирии – Иран вскоре после начала волнений, 31 марта 2011 г., в лице своего посла в Дамаске назвал происходящее в ней заговором Америки и Израиля против независимых правительств региона (повторив слова самого сирийского президента, сказанные днем ранее) и безоговорочно поддержал власть Б. Асада (Баранов 2019а: 367).

Чтобы объяснить такую странную для многих наблюдателей позицию – категорическое неприятие массовых протестов против власти в Сирии при одновременной полной поддержке протестного движения и революционных перемен во всех остальных арабских странах, – иранские политики и дипломаты в первые годы после начала сирийского восстания неоднократно заявляли, что события в Сирии, по их мнению, коренным образом отличаются от ситуации в других арабских странах. По их словам, если в Египте, Тунисе и других государствах протестами двигала аутентичная воля народа (в лице молодых и политически активных мусульман) против прогнивших, коррумпированных прозападных и произраильских режимов, то в Сирии, наоборот, большинство народа (вне зависимости от конфессии) поддерживает и любит своего президента

Башара Асада, который является союзником исламского Ирана и мужественно борется против американского и израильского влияния в регионе. То есть Сирия, несмотря на светский характер своего правительства, уже давно служит интересам ислама и фронту исламского пробуждения, и поэтому никакая исламская революция в ней не нужна. Также, по их версии, в эту страну проникли тысячи боевиков-террористов без моральных принципов, которые пользуются покровительством Запада, Турции, Израиля и консервативных аравийских монархий, снабжаются американским и европейским оружием, разрушают и взрывают сирийские города вместе с жителями, а также оскверняют исламские святыни. Поэтому Сирии активно помогает Иран, и по приглашению сирийского правительства и народа в эту страну вошла «Хезболла», «члены которой готовы лучше умереть, чем допустить такие надругательства». В то время как З. А. Бен Али в Тунисе и Х. Мубарак в Египте были быстро свергнуты, поскольку не обладали поддержкой большинства народа, Башар Асад смог длительное время сопротивляться боевикам, черпая силы в народной поддержке (см.: Sajadrouf 2013; Саджади 2013).

А. Хаменеи признавал, что на стороне оппозиционных группировок сражается заметное количество сирийской мусульманской молодежи, но считал, что эта молодежь обманута пропагандой Америки и ее используют враги ислама для своих темных целей. Он также назвал то, что в Сирии мусульмане убивают друг друга по обе стороны фронта, преступлением, организованным США, сионизмом и послушными им правительствами региона. По его словам, в Сирии происходил вовсе не межконфессиональный суннитско-шиитский конфликт, а борьба сторонников власти, которые уже давно сопротивляются Израилю и продолжают это делать, и оппозиции, которая, наоборот, поддерживает Запад и Израиль и лишь прикрывается суннитскими лозунгами, а на самом деле состоит из секулярных и далеких от политического ислама группировок (Хāmene'i 2013).

Однако, вопреки ожиданиям иранского руководства, даже в тех арабских странах, где действительно пришли к власти исламисты, последние не готовы были полностью стать союзниками Ирана. Более того, уже упоминавшиеся египетские «Братья-мусульмане», победившие на парламентских и президентских выборах весной – летом 2012 г., выступили с заявлениями, которые коренным образом противоречили иранской политике на самом важном для Ирана

ближневосточном направлении – в Сирии. Избранный президент Мухаммад Мурси, вступивший в должность 30 июня 2012 г., уже в августе подверг критике поведение Башара Асада, заявив, что тот «убивает собственный народ» и должен немедленно уйти в отставку, добавив, что египетские власти всячески сочувствуют сирийской оппозиции (Mursi... 2012).

Тем не менее, несмотря на свою бескомпромиссную позицию по отношению к президенту Сирии и активную иранскую поддержку сирийских властей, М. Мурси был благодушно настроен по отношению к Ирану. Египетский президент даже заявил в сентябре 2012 г., что Иран является не частью сирийской проблемы, а частью ее возможного решения. Он заявил, что именно тесные связи Тегерана с Дамаском делают эту страну «жизненно важной» для прекращения гражданской войны, добавив, что у Египта нет серьезных проблем с Ираном. Он также приветствовал участие Ирана в контактной группе по сирийскому урегулированию, сформированной вокруг Египта, в которую вошли также Саудовская Аравия и Турция, поддерживающие сирийскую оппозицию. Египетский президент еще в августе посетил Тегеран для участия во встрече организации «Движение неприсоединения» (Morsi... 2012).

М. Мурси также принял в Каире в январе 2013 г. иранскую делегацию во главе с М. Ахмадинежадом, прибывшую на саммит Организации исламского сотрудничества. Это был первый визит на высшем уровне между двумя странами с момента исламской революции. Иранский президент заявил о стремлении Ирана иметь стратегические отношения с Египтом как важной региональной державой. Он также отверг тезис о суннитско-шиитском противостоянии на Ближнем Востоке, заявив, что его распространяют враги мусульман под руководством США, которые сами нападают на независимые страны региона и стремятся поссорить суннитов и шиитов. Чтобы подчеркнуть отсутствие враждебности к суннитам, иранский президент посетил университет Аль-Азхар, встретившись с его ведущими богословами, которые выразили ему свое уважение за стремление к исламскому единству. Иранская делегация была тепло принята президентом М. Мурси. Также М. Ахмадинежад провел встречу с лидерами «Братьев-мусульман», которая оказалась неожиданно позитивной: «Братья» высказали поддержку идее о заключении ирано-египетского стратегического союза, поддержали внешнюю политику Ирана по борьбе против западного доминирования в регионе и даже высоко отозвались о некоторых эле-

ментах и принципах государственного строя ИРИ. Не обошлось без эксцессов: сирийский беженец бросил туфлю в иранского президента во время посещения каирской мечети Аль-Хусейн. Несмотря на в целом позитивную атмосферу визита, стороны так и не смогли договориться по некоторым важным проблемам, особенно по сирийскому вопросу. Сами египетские власти к тому же продолжали в определенной степени учитывать позицию США и Израиля и поэтому не могли быстро восстановить полноценные отношения с Ираном, опасаясь их негативной реакции (Баранов 2019б). Таким образом, со стороны как официальных властей Ирана, так и властей Египта была явным образом обозначена готовность к построению равноправных и уважительных отношений и конструктивного обсуждения имеющихся разногласий.

Так или иначе, власть «Братьев-мусульман» в Египте, при которой были сделаны важные шаги по возобновлению отношений с Ираном, продержалась недолго. М. Мурси поначалу пытался серьезно укрепить свою власть в стране: он сразу же отстранил от власти Высший совет вооруженных сил (временный орган верховной власти с февраля 2011 г.), а в августе 2012 г. сместил двух чрезвычайно влиятельных генералов – министра обороны М. Тантауи и главу генштаба С. Анана, значительно усилив свои позиции. Интересно, что США в лице госсекретаря Хиллари Клинтон в июле 2012 г. просили Тантауи сотрудничать с исламистами и особенно с Мурси с целью обеспечить переход к гражданскому правлению в Египте (Abdellatif 2012). Однако уже в июне 2013 г. основные противники нового правительства – военные (и связанные с ними бизнесмены), а также салафиты – начали активно бороться за свержение президента. Это было отражением как внутренних процессов (крайне непопулярные экономические реформы, отсутствие у новых властей опыта легальной политической деятельности, что привело ко множеству ошибок и конфликтам со многими другими политическими силами и др.), так и серьезного соперничества Саудовской Аравии, боровшейся против влияния «Братьев-мусульман» в регионе, и Катара, который их поддерживал. С помощью Саудовской Аравии (которая была главным спонсором крупнейшей египетской салафитской партии «Хизб ан-Нур») и ОАЭ 3 июля 2013 г. в стране произошел переворот (Коротаев, Исаев 2014: 94–96). Военные фактически вернулись к власти под руководством маршала А.-Ф. ас-Сиси, который в мае 2014 г. был избран президентом, набрав 96,9 % голосов, хотя множество египтян не пришли на выборы, особенно в экономически слаборазвитых провинциях долины

Нила, где по-прежнему была очень велика поддержка «Братьев-мусульман» (см.: Коротаев, Исаев 2015). Сопrotивление «Братьев-мусульман» и их сторонников, организовавших палаточный лагерь на площади Рабия аль-Адавия, было быстро и жестко подавлено уже в августе 2013 г., когда погибло до 1 тыс. человек (Махмутова 2025: 90). Бывший президент М. Мурси был арестован вскоре после переворота и скончался 17 июня 2019 г.

Развитие двусторонних отношений после египетской контрреволюции 2013 г.: прорыв во многих областях и синхронное вступление в БРИКС

В начале правления А.-Ф. ас-Сиси между Ираном и Египтом не было активных отношений. Основное внимание в регионе новые египетские власти поначалу уделили не контактам с Ираном, а сирийской проблеме. Они сразу же радикально изменили политику своих предшественников по отношению к Сирии, восстановили дипломатические отношения с официальным сирийским правительством, заявили о поддержке борьбы сирийской власти с терроризмом и даже стали помогать армии Башара Асада, поставляя ей оружие. Это не встретило серьезного противодействия со стороны Саудовской Аравии и ОАЭ, так как оба этих государства постепенно начали отказываться от поддержки оппозиционных вооруженных группировок, опасаясь роста турецко-катарского влияния в Сирии в случае дальнейшего ослабления ее центральной власти (Hamad 2017).

Прекращение поддержки сирийской оппозиции со стороны Египта, очевидно, соответствовало интересам Ирана и само по себе способствовало существенному ослаблению напряженности в ирано-египетских отношениях. Правда, несмотря на сохранение позитивного настроения к Египту со стороны администрации следующего иранского президента Х. Роухани, долгое время Каир не предпринимал решительных шагов по сближению с Ираном, опасаясь негативной реакции Саудовской Аравии, которая оказывала Каиру серьезную финансовую помощь. Однако в сентябре 2016 г. египетский министр иностранных дел Самех Шукри встретился с иранским коллегой Мохаммадом Джавадом Зарифом и заявил, что Каир не собирается свергать режим в Сирии. Сразу после этого Саудовская Аравия отменила нефтяную сделку с Египтом на 23 млрд долларов, и тот обратился за помощью к Ирану (Monshipouri, Zamary 2017). Однако затем оказалось, что это была лишь временная де-

монстративная мера, так как саудовские поставки нефти в Египет возобновились уже через несколько месяцев (Widdershoven 2017).

Двусторонние отношения получили серьезный импульс для развития после прихода к власти в Иране президента Э. Раиси в июне 2021 г. Он поставил целью придать серьезный масштаб и динамику отношениям Ирана со всеми соседями, а также с крупнейшими странами арабского и исламского мира. Ирано-саудовское примирение в марте 2023 г. открыло путь к полномасштабному возобновлению отношений. В сентябре 2023 г. министр финансов и экономики Ирана Э. Хандузи и его египетский коллега М. Мааит впервые за многие годы обсудили конкретные финансово-экономические проекты и возможные инвестиции. В декабре 2023 г. Э. Раиси позвонил А. Ф. ас-Сиси и поздравил его с очередным избранием на пост президента. Главы государств обсудили ситуацию в Газе и договорились о развитии перспективных направлений в отношениях и о мероприятиях по решению накопившихся проблем (Филин, Самойлова 2024).

Несмотря на трагическую гибель Э. Раиси в авиакатастрофе в мае 2024 г. и избрание в июле более либерального президента М. Пезешкияна, который в начале своего правления возлагал большие надежды на восстановление отношений Ирана с Западом, ирано-египетские отношения продолжили свое интенсивное развитие. В июне 2025 г. министр иностранных дел Ирана А. Арагчи посетил Египет, встретившись с президентом и своим египетским коллегой Б. Абдель-Аты. Иранский министр заявил, что между странами никогда не было такого высокого уровня доверия. Стороны договорились о проведении регулярных политических консультаций на уровне министров, чего не было с 1979 г. Сближение происходит на фоне политических и экономических трудностей, с которыми сталкиваются обе страны: прекращения судоходства по Суэцкому каналу из-за атак хуситов на суда в Красном море для Египта и израильской агрессии (которую осудил А. Ф. ас-Сиси), потери важных региональных союзников и экономических санкций для Ирана. Кроме того, в соседнем Судане бушует страшная гражданская война, в которой Тегеран и Каир оказались на одной стороне, оказывая помощь официальному правительству (Ibrahim 2025). Египет активно помог Ирану уладить очередной кризис в отношениях с МАГАТЭ, в результате чего сторонам в сентябре удалось достичь договоренности о возобновлении инспекций на иранских ядерных объектах (Nacişaferoğlu, Ekberova 2025). В контексте су-

ществленного улучшения отношений резко выросли объемы ирано-египетской торговли: только за первые восемь месяцев 2024 г. товарооборот взлетел на 67 % и достиг 17,2 млрд долларов, причем 80 % от этой суммы пришлось на иранский экспорт в Египет (Iran-Egypt... 2024). Одновременно происходит существенное ухудшение отношений Египта с Израилем, особенно на фоне войны в Газе: А. Ф. ас-Сиси на саммите арабских стран в Дохе в сентябре впервые назвал Израиль «врагом» своей страны и заявил, что Тель-Авив виновен в «этнической чистке» и массовых преступлениях против палестинцев, а израильский премьер-министр Биньямин Нетаньяху пригрозил заблокировать готовящееся соглашение о поставках газа на сумму 35 млрд долларов, чрезвычайно важное для египетской экономики (El-Husseini 2025).

Если перейти к более глобальному аспекту ирано-египетских отношений, а именно – их роли в международных организациях, то стоит отметить, что оба президента этих ближневосточных стран относятся весьма серьезно к такой важной организации, как БРИКС+. Так, А. Ф. ас-Сиси заявил, что важность БРИКС+ как значимого международного объединения растет, поскольку организация последовательно продвигает конструктивное сотрудничество между странами на основе взаимоуважения (Президент Египта... 2025). Египетские власти стремятся сделать свою страну окном БРИКС+ в регион Ближнего Востока и Северной Африки и активно сотрудничают, в частности, с Китаем, который помогает построить в пригороде Каира «космический город» – комплекс зданий для космической промышленности. Стремительно растет торговля страны с другими государствами БРИКС+: с 25,5 млрд долларов в 2021 г. до 46,7 млрд долларов в 2023 г. (Мамедов 2024). А М. Пезешкиан предложил создать в рамках БРИКС+ механизм по борьбе с односторонними западными санкциями против каких-либо стран объединения, чтобы успешно им противостоять. Он назвал подобные санкции одной из ключевых угроз современному мировому порядку, так как они подрывают государственный суверенитет, мешают взаимному сотрудничеству и тормозят экономическое развитие (Президент Ирана... 2025).

Можно также кратко рассмотреть последствия начавшегося ирано-египетского сближения для интересов России. Учитывая, что все три страны состоят в БРИКС+, а с обоими государствами РФ поддерживает очень тесные отношения, Россия может развивать

взаимодействие с обеими странами в формате этой организации, чтобы способствовать дальнейшему укреплению ирано-египетских отношений и превращению их в полноценный межгосударственный союз в рамках БРИКС+. Дальнейшее активное развитие ирано-египетского сближения выгодно России по геополитическим причинам – как укрепление связей двух дружественных ей ближневосточных государств, с которыми она быстро развивает отношения в разных областях. Россия, в частности, активно развивает торговлю с Египтом: товарооборот двух стран в 2024 г. составил 9,3 млрд долларов, а за первые девять месяцев 2025 г. он вырос еще на 12 % (Лавров... 2025). Товарооборот начал ощутимо расти и с Ираном – он достиг 4,8 млрд долларов в 2024 г. (Цивилев... 2025), хотя и отстает от российско-египетского. Число российских туристов в Египте за 2024 г. было весьма внушительным и составило 1,4 млн человек (Шмакова 2025). К тому же с обеими странами у России действуют договоры о стратегическом партнерстве.

Также нужно учитывать, что укрепление ирано-египетских отношений на всех уровнях, с одной стороны, будет способствовать сглаживанию суннитско-шиитских религиозных противоречий и преодолению антишиитских стереотипов³ как среди части египет-

---

³ Как стало известно автору данной статьи в ходе общения с некоторыми представителями египетской интеллигенции, у определенной, достаточно заметной части египетских интеллектуалов, а также обычного египетского народа существует в корне неверное представление об иранском шиизме. По их мнению, иранский шиизм настолько «искажен» по сравнению с суннизмом, что вообще не имеет никакого отношения к традиционному исламу. Они считают, что иранские шииты убеждены, будто архангел Гавриил «по ошибке» сообщил божественное откровение Мухаммеду, а на самом деле должен был передать его зятю Мухаммеда Али. От этих неверных стереотипов идут и опасения некоторых египтян, что иранские шииты якобы стремятся нанести как можно больше ущерба арабским суннитским странам и мечтают завоевать арабские земли и силой оружия заставить местных суннитов перейти в шиизм. Впрочем, в иранской внешней политике действительно можно найти элементы прозелитизма и экспансионизма, например по отношению к Ираку и Сирии, но причина тут вовсе не в особенностях догматов шиизма, а в стремлении Ирана укрепить свое религиозно-политическое влияние в регионе (о политической, экономической и религиозной экспансии Ирана в Сирии в течение 2010-х гг. см.: Ходаренок 2021). Таким образом, в представлении определенной части египтян религиозные убеждения современных иранцев ошибочно отождествляются с мировоззрением крайних шиитских сект – *гулат*, которые действительно ставят Али выше пророка Мухаммеда вплоть до его обожествления, не соблюдают многие традиционные общемусульманские обряды и т. д., а вовсе не с догматами умеренного шиизма джафаритского толка, который гораздо ближе

ского общества, так и в арабском мире в целом, что, безусловно, поможет общей стабилизации ситуации на Ближнем Востоке и преодолению тяжелого наследия недавних жестоких межконфессиональных войн в Ираке, Сирии и Йемене. С другой стороны, активизация сотрудничества Ирана с Египтом неизбежно усилит симпатии к арабскому миру в самом Иране. Это представляется весьма важным, так как в ИРИ (и особенно в среде иранских эмигрантов на Западе) в настоящее время действует радикальное антиисламское движение, которое пронизано неприкрытой ненавистью ко всему, что связано с арабами и исламом, включая исламские архитектурные памятники в самом Иране и в целом на Ближнем Востоке, а также заимствованные арабские элементы в персидском языке (это движение к тому же в очень значительной части настроено антироссийски).

Такие взгляды распространены скорее среди выходцев из традиционно шиитских народов, говорящих на иранских языках, чем, например, среди азербайджанцев или белуджей. Многие представители этой группы иранцев, особенно проживающие на Западе сторонники династии Пехлеви, даже радуются смертям палестинцев в ходе израильских бомбежек и разрушению палестинских мечетей, а некоторые из них избивают тех иранских эмигрантов, которые сочувствуют Палестине. Корни этого крайне тревожного и глубоко противоестественного для ближневосточных народов явления происходят из желания иранских радикальных националистов понравиться европейцам с помощью демонстративной ненависти к арабам как к «низшей» расе (вплоть до оправдания преступлений по отношению к ним со стороны представителей «белой расы») и к исламу как к продукту «примитивного» арабского менталитета, надеясь, что в таком случае европейцы примут их как равных себе (при этом, разумеется, игнорируя тот факт, что среди европейцев есть и те, кто не размышляет в таких примитивных категориях и одинаково уважают все народы и их обычаи, и что такая расистская риторика скорее оттолкнет от них цивилизованную и просвещенную часть европейцев и привлечет шовинистов и ультраправых). Поэтому исламская религия и даже арабские заимствования в персидском языке воспринимаются ими как «грязь», от которой иранцам надо «очиститься» (см.: Zia-Ebrahimi 2025).

к ортодоксальному суннизму, чем крайний шиизм; именно умеренную версию шиизма на самом деле и исповедует подавляющее большинство иранских шиитов.

Разумеется, эта группа иранцев открыто может проявлять себя только за рубежом; внутри Ирана она действует нелегально и подпольно и не пользуется массовой поддержкой населения, однако со временем растет численно и очень активно (и деструктивно) проявляет себя в ходе массовых протестов. Представляется, что в случае дальнейшего укрепления связей Ирана с Египтом, в том числе в культурно-гуманитарной области, путем ознакомления иранской широкой общественности с лучшими образцами современной египетской культуры, искусства и литературы постепенно будет происходить и ослабление такого рода антиарабских настроений в Иране, а значит, существенно уменьшится опасность ослабления дружественного России исламского режима (особенно с учетом давно назревших реформ, осуществляемых администрацией М. Пезешкияна).

Заключение

Ирано-египетские отношения за рассматриваемый период прошли несколько этапов. Серьезное их ухудшение произошло после исламской революции 1979 г. Несмотря на некоторое успокоение ситуации начиная с 1990-х гг., страны продолжали относиться друг к другу с недоверием, а дипломатические отношения и вовсе отсутствовали. Египетская революция 2011 г. создала условия для восстановления официальных отношений, однако после прихода к власти «Братьев-мусульман» между странами вновь возникло серьезное напряжение из-за разных интерпретаций сирийского конфликта. Переворот 2013 г. привел к власти президента А. Ф. ас-Сиси, который прежде всего озаботился восстановлением экономической жизни Египта после революционных потрясений, прервавших очень быстрый экономический рост, достигавший 7 % в год в 2006–2008 гг. (World Bank 2025). Это сопровождалось на первом этапе значительным снижением внешнеполитической активности страны, но в конечном счете принесло свои плоды в виде возвращения высоких темпов роста экономики, хотя и не таких значительных, как в конце правления Х. Мубарака, – 4,4 % за 2024/2025 финансовый год, в том числе доходы от туризма выросли на 17,3 %, а обрабатывающая промышленность – на 14,6 % (Mohamed 2025). Особенно впечатляют достижения Египта в области развития современных технологий: сектор связи и информационных технологий в последние годы растет на 14–16 %, его доля в экономике выросла с 3,2 % ВВП в 2018 г. до 6 % в 2025 г., а экспорт цифровой продукции и ин-

формационных технологий взлетел за то же время с 3,3 до 7,4 млрд долларов (Цифровой... 2025). В последние годы по мере нормализации экономической жизни заметно активизируется и египетская внешняя политика. Одновременно после избрания Э. Раиси в качестве президента Ирана значительно укрепились ирано-египетские связи в самых разных областях. Этот тренд продолжается и в настоящее время, после избрания президентом М. Пезешкиана.

Особенно серьезным стимулом для развития двусторонних отношений стало вступление обеих стран в БРИКС+ в 2024 г. Таким образом, две крупнейшие ближневосточные страны с большим экономическим потенциалом оказались в одном межгосударственном союзе. Это, безусловно, отражается на изменении баланса сил в регионе и – постепенно – в мире в целом. За полгода до этого события произошло ирано-саудовское примирение, которое выглядит прочным и устойчивым. Фактически можно говорить о постепенно формирующемся союзе крупных ближневосточных исламских стран, что значительно отличается от ситуации 2010-х гг., когда наблюдалось ожесточенное ирано-саудовское не прямое противостояние, что мешало сближению мусульманских суннитских стран региона, в том числе и Египта, с Ираном. Параллельно происходит активизация противостояния (во многих случаях – пока только на словах, но в некоторых случаях – и в виде прямого вооруженного столкновения) ближневосточных государств с Израилем, который является форпостом западного влияния в регионе. Это противостояние существенно подогревается всеобщим возмущением мусульман региона (и мира в целом) из-за мощных бомбежек Израилем сектора Газа, вызвавших страдания множества палестинцев (само же иранское общество оказалось расколото на большинство, возмущенное израильскими действиями, и меньшинство, которое их приветствует и даже злорадствует над страданиями арабов). Все эти процессы отражают преломление на Ближнем Востоке общемировых тенденций по изменению мирового порядка. Их последствия для региона, как, впрочем, и для мира в целом, очень трудно предвидеть.

Литература

Алиев, А. А. 2002. *Иран vs Ирак: история и современность*. М.: Изд-во Моск. ун-та.

Багиров, Э. М. 2006. Ирано-египетские отношения: история и современность. В: Логунов, А. П., Коротаев, А. В., Филин, Н. А., Куликова, К. Е., Царегородцева, И. А. (ред.), *Египет, Ближний Восток и глобальный мир*: сб. науч. ст. М.: Кранкэс, с. 94–97.

Баранов, А. В.

2019а. «Исламское пробуждение» и «Сирийская весна». *Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения* 19(3): 366–369. DOI: 10.18500/1819-4907-2019-19-3-366-369.

2019б. Ирано-египетские отношения и визит М. Ахмадинежада в Каир в 2013 году. *Гуманитарные и юридические исследования* 3: 16–21. DOI: 10.37494/2409-1030-2019-3-16-21.

Глебова, Н. С. 2010. Книгоиздательство и переводческая деятельность в странах арабского мира. *Институт Ближнего Востока* 18 декабря. URL: <https://www.iimes.ru/?p=11844>.

Гринин, Л. Е.

2012. Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. В: Коротаев, А. В., Зинькина, Ю. В., Ходунов, А. С. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года*. М.: ЛКИ/URSS, с. 188–223.

2020а. Радикальный исламизм, религиозный фактор и дестабилизация в странах афразийской макрзоны нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11. Ч. 2. Волгоград: Учитель, с. 810–828.

2020б. Продолжающаяся реконфигурация Мир-Системы и возможные процессы дестабилизации в Афразийской макрзоне нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11. Ч. 1. Волгоград: Учитель, с. 5–14.

2023. Дестабилизация и мировой порядок: некоторые вопросы теории. *История и современность* 4: 3–31. DOI: 10.30884/iis/2023.04.01.

Гринин, Л. Е., Гринин, А. Л., Коротаев, А. В. 2024. Контуры нового мирового порядка и БРИКС+. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право* 17(5): 61–81. DOI: 10.31249/kg/2024.05.04.

Гринин, Л. Е., Исаев, Л. М., Коротаев, А. В. 2016. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. 2-е изд. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».

Исаев, Л. М., Айсин, М. Б., Медведев, И. А., Коротаев, А. В. 2020. Исламский терроризм на Ближнем Востоке и его влияние на мировую безопасность. *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология* 22(4): 713–730. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-4-713-730.

Кожанов, Н. А. 2010. Арабские страны Ближнего Востока и режим санкций в отношении ИРИ. *Институт Ближнего Востока* 30 ноября. URL: <https://www.iimes.ru/?p=11767>.

Коротаев, А. В., Зинькина, Ю. В. 2011. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории* 4(2): 5–29.

Коротаев, А. В., Исаев, Л. М.

2014. Анатомия египетской контрреволюции. *Мировая экономика и международные отношения* 8: 91–100.

2015. Политическая география современного Египта. *Политические исследования* 2: 117–136. DOI: 10.17976/jpps/2015.02.08.

Коротаев, А. В., Исаев, Л. М., Зинькина, Ю. В. 2022. Новая волна революций в регионе Ближнего Востока и Северной Африки в глобальной перспективе. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.). *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 13. Волгоград: Учитель, с. 34–74. DOI: 10.30884/978-5-7057-6184-5_02.

Кузнецов, А. А. 2017. *Политический процесс в Ливане на рубеже XX–XXI веков*. М.: Ин-т Ближнего Востока.

Лавров рассказал о росте товарооборота с Египтом. 2025. *РИА Новости* 19 декабря. URL: <https://ria.ru/20251219/mid-2063350426.html>.

Мамедов, Р. 2024. Египет: ставка на БРИКС. *BRICS Business Magazine* 26 сентября. URL: <https://bricsmagazine.com/v-fokuse/egipet-stavka-na-briks/>.

Махмутова, М. И. 2025. Влияние правления А. Ф. ас-Сиси на Аль-Азхар. В: Л. Е. Гринин, Т. Р. Хайруллин (отв. ред.), *Сборник материалов конференции «Перспективы процессов дестабилизации в странах Африки» (4 декабря 2024 года, г. Москва)*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель», с. 90–99.

Мелкумян, Е. С. 2021. Лига арабских государств и арабское единство. *Нестабильность геостратегического пространства на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке: актуальные проблемы* 7: 116–124. DOI: 10.31696/978-5-907384-51-4-116-124.

Мельянцева, В. А. 2014. Причины и факторы экономического отставания в арабо-мусульманском мире. *Восток (Oriens)* 4: 125–138.

Мендкович, Н. 2015. Почему люди уходят в ИГИЛ: социальные истоки экстремизма. *Внешняя политика* 22 июля. URL: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/pochemu-lyudi-uhodyat-v-igil-sotsialnye-istoki-ekstremizma/>.

Месамед, В. И.

2007. Ирано-израильские отношения: от партнерства к конфронтации. *Институт Ближнего Востока* 3 ноября. URL: <https://www.iimes.ru/?p=6395>.

2011а. Каирская «Ат-Тахрир» и тегеранская «Азади». *Институт Ближнего Востока* 17 февраля. URL: <https://www.iimes.ru/?p=12174>.

2011б. Аятолла Али Хаменеи: «События в Египте – продолжение исламской революции в Иране». *Институт Ближнего Востока* 11 февраля. URL: <https://www.iimes.ru/?p=12136>.

Наумкин, В. В. 2015. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство. *Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика* 1: 66–96.

Подцероб, А. Б. 2007. Президент Туниса З. А. бен Али: 20 лет у власти. *Институт Ближнего Востока* 2 ноября. URL: <https://www.iimes.ru/rus/stat/2007/02-11-07.htm>.

Президент Египта заявил о важности БРИКС для мира. 2025. *НКИ БРИКС* 8 сентября. URL: <https://www.nkibrics.ru/posts/show/68bed6bd62726923e43e0000>.

Президент Ирана предложил BRICS пятиступенчатый план против однополярного мира. 2025. *БРИКС – Зона влияния* 10 сентября. URL: <https://brics.zone/prezident-irana-predlozil-brics-pyatistupenchatyj-plan-protiv-odnopolyarnogo-mira/>.

Росстат. 2025. *Предварительная оценка численности постоянного населения на 1 января 2025 года*. М.: Росстат. URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/PrPopul2025_Site.xlsx.

Саджиди, М. Р. 2013. «В Иране смотрят на Россию с оптимизмом». *Интерфакс* 25 августа. URL: <https://www.interfax.ru/interview/325062>.

Сейранян, Б. Г. 2006. Египет: история в лицах (1952–2005 гг.). В: Логунов, А. П., Коротаев, А. В., Филин, Н. А., Куликова, К. Е., Царегородцева, И. А. (ред.), *Египет, Ближний Восток и глобальный мир*: сб. науч. статей. М.: Кранкэс, с. 9–17.

Филин, Н. А., Кокликов, В. О., Ходунов, А. С. 2023. Массовые протестные акции в Иране осенью 2022 г.: факторы, динамика, реакция властей. *Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения* 4: 332–346. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-332-346.

Филин, Н. А., Самойлова, Е. Е. 2024. Исламистский фактор в ирано-египетских отношениях: пример «Братьев-мусульман». *Власть* 32(2): 237–242. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-2-237-242.

Ходаренок, М. 2021. Между Израилем и Ираном: почему С-400 молча наблюдают за небом Сирии. *Газета.ru* 8 января. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2021/01/08/13429532.shtml>.

Ходунов, А. С. 2025. Гражданская война в Судане с 2023 г. на фоне трансформации миропорядка. В: Гринин, Л. Е., Хайруллин, Т. Р. (отв.

ред.), *Перспективы процессов дестабилизации в странах Африки*: материалы конференции. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2025, с. 154–165.

Хохлова, А. А., Коротаев, А. В. 2020. Исламские монархии, молодежный бугор и социально-политическая дестабилизация. Кросс-национальный анализ. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*: ежегодник. Т. 11. Ч. 1. Волгоград: Учитель, с. 239–264.

Цивилев: товарооборот России и Ирана за 2024 год вырос на 16,2 %. 2025. *TASS* 25 апреля. URL: <https://tass.ru/ekonomika/23782661>.

Цифровой экспорт Египта вырос на 124 % за семь лет, достигнув \$7,4 млрд. 2025. *TV BRICS* 23 декабря. URL: <https://tvbrics.com/news/tsifrovoy-eksport-egipta-vyros-na-124-za-sem-let-dostignuv-7-4-mlrd/>.

Шмакова, Е. 2025. Почти 1,5 млн россиян посетили Египет в 2024 году. *Коммерсантъ* 14 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7714651>.

40 years on, Hama Survivors Recall Horror of Assad-Era Massacre. 2025. *France 24* January 31. URL: <https://www.france24.com/en/live-news/20250131-40-years-on-hama-survivors-recall-horror-of-assad-era-massacre>.

‘Alāyī, H. 2019. Āegunegi-ye mohāsere va šekast-e hasr-e Ābādān. *Hawzah.net* Septāmr 26. URL: <https://hawzah.net/fa/Article/View/98436/>.

Abdellatif, R. 2012. Clinton Urges Egypt’s Military Chief to Cooperate with New President. *Los Angeles Times* July 15. URL: <https://www.latimes.com/archives/blogs/world-now/story/2012-07-15/clinton-urges-egypts-military-chief-to-cooperate-with-new-president>.

Beyond the Throne: Fawzia Fuad’s Enduring Legacy in History. 2023. *Arabian Diaries* September 14. URL: <https://arabiandiaries.com/beyond-the-throne-fawzia-fuads-enduring-legacy-in-history/>.

Egypt’s Transportation Sector: An Ambitious Path To Global Trade and Logistics Leadership. 2025. *ZAWYA* October 24. URL: <https://www.zawya.com/economy/north-africa/egypts-transportation-sector-an-ambitious-path-to-global-trade-and-logistics-leadership-mi3osqa6>.

El-Husseini, S. F. 2025. From Cold Peace to Open Tensions: Egypt-Israel Relations Tested. *Middle East Monitor* September 18. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20250918-from-cold-peace-to-open-tensions-egypt-israel-relations-tested/>.

Emām-e Xomeyni va tute’e-ye Kemp-Deyvid. 2012. *Portāl-e emām-e Xomeyni* Septāmr 19. URL: <http://www.imam-khomeini.ir/fa/n3062/>.

Entessar, N. 1993. The Lion and the Sphinx: Iranian-Egyptian Relations in Perspective. In Amirahmadi, H., Entessar, N. (eds.), *Iran and the Arab World*. London: Palgrave Macmillan. Pp. 161–179. DOI: 10.1007/978-1-349-22538-5.

Filin, N., Fahmy, S., Khodunov, A., Koklikov, V. 2022. Two Experiences of Islamic “Revival”: The 1979 Islamic Revolution in Iran and the Formation of the “Islamic State” in Syria and Iraq in the 2010s. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer, pp. 865–883. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_33.

Firmin, A. 2025. Tunisia’s Descent into Dictatorship: International Scrutiny Urgently Needed. *AllAfrica* May 9. URL: <https://allafrica.com/stories/202505090462.html>.

Global Trends: Forced Displacement in 2024. 2025. *United Nations High Commission for Refugees* June 12. URL: <https://www.unhcr.org/global-trends-report-2024>.

Graham-Harrison, E., Scruton, P., Swan, L., Ahmedzade, T., Sheehy, F., Boulinier, L. 2025. A Visual Guide to the Destruction of Gaza. *The Guardian* January 25. URL: <https://www.theguardian.com/world/2025/jan/18/a-visual-guide-to-the-destruction-of-gaza>.

Grinin, L., Korotayev, A. 2022. Arab Spring: Causes, Conditions, and Driving Forces. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer, pp. 595–624. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_23.

Насицафероğlu, İ. Н., Ekberova, E. 2025. ЕС: Соглашение между Ираном и МАГАТЭ может стать важным шагом для ядерной дипломатии. *Anadolu Ajansı* 10 сентября. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/ес-соглашение-между-ираном-и-магатэ-может-стать-важным-шагом-для-ядерной-дипломатии/3683524>.

Hamad, S. 2017. Blood Brothers in Arms: Sisi’s Support for Assad’s Counterrevolution. *The New Arab* August 25. URL: <https://www.newarab.com/opinion/blood-brothers-arms-sisis-support-assads-counterrevolution>.

Hussien, H. H., Ahmed, R. H. 2025. The Humanitarian Crisis in Sudan: Multifaceted Impacts of Armed Conflict on Health, Education, and Displacement. *Sociological Research and Innovation* 3(1): 76–99. DOI: 10.32350/sri.31.04.

Ibrahim, E. 2025. Are Iran and Egypt Relations on the Cusp of a “Seismic Shift”? *Responsible Statecraft* July 29. URL: <https://responsiblestatecraft.org/iran-egypt-relations/>.

Iddon, P. 2019. High Points and Low Points: A History of Iran-Egypt Relations. *The New Arab* February 15. URL: <https://www.newarab.com/analysis/high-points-low-points-history-iran-egypt-relations>.

Iran-Egypt Trade Surges 67 % in 8 Months amid Growing Economic Ties. 2024. *Tehran Times* December 20. URL: <https://www.tehrantimes.com/news/507684/Iran-Egypt-trade-surges-67-in-8-months-amid-growing-economic>.

Ischinger, B., Jorgensen, L. (eds.). 2010. *Higher Education in Egypt*. Paris; Washington, DC: OECD, World Bank.

Kashani-Sabet, F. 2023. On Shaky Ground: Iran between Israel and Pan-Arabism, 1930s–1970s. *Middle Eastern Studies* 59(6): 950–967. DOI: 10.1080/00263206.2023.2165490.

Makovsky, D. 2011. Reviewing Egypt's Gains from Its Peace Treaty with Israel. *The Washington Institute for Near East Policy* March 7. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/reviewing-egypts-gains-its-peace-treaty-israel>.

McClue, T. 2025. Mass Rape, Forced Pregnancy and Sexual Torture in Tigray Amount to Crimes against Humanity – Report. *The Guardian* July 31. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2025/jul/31/mass-rape-forced-pregnancy-sexual-torture-in-tigray-ethiopian-eritrean-forces-crimes-against-humanity-report>.

Mohamed, H. 2025. Egypt's Economy Records 5% Growth in Q4 of FY 2024/2025, Annual Growth Reaches 4.4%. *Egypt Today* September 30. URL: <https://www.egypttoday.com/Article/3/142560/Egypt%E2%80%99s-economy-records-5-growth-in-Q4-of-FY-2024>.

Monshipouri, M., Zamary, A. 2017. Re-Evaluating Iran-Egypt Relations: A Look at the Evolving Geopolitical Context. *Insight Turkey* 19(2): 215–230. DOI: 10.25253/99.2017192.11.

Morsi: Iran 'Vital' to Ending Syrian Crisis. 2012. *Al Jazeera* September 23. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2012/9/23/morsi-iran-vital-to-ending-syrian-crisis>.

Mursī: Hāna-l-waqt li-rahīl Al-'Asad. 2012. *Sky News Arabia* August 28. URL: <https://www.skynewsarabia.com/middle-east/41929-مرسي-حان-الوقت-لرحيل-الاسد>.

Parzonko, H. 2022. Environmental Inequalities in Cairo's Urban Housing Sector. *Undisciplined Environments* April 12. URL: <https://undisciplinedenvironments.org/2022/04/12/environmental-inequalities-in-cairos-urban-housing-sector/>.

Qoli-Tāyefe, A., Kiyāni, E. 2016. *Nehzat-e āzādi-ye Irān, az ta'sis tā enše'āb*. Tehrān: Samdiye.

Rahimi, Z. 2025. Barresi-ye āsār-o tab'iyāt-e jang-e šahrhā dar Irān. *Markaze asnād-o tahqiqāt-e Defā'-e moqaddas* Fevriye 25. URL: <https://www.defamoghaddas.ir/index.php/مقالات/بررسی-آثار-و-تبعات-جنگ-شهر-ها-در-ایران>.

Sajadpour, K. 2013. Iran's Unwavering Support to Assad's Syria. *Combating Terrorism Center at West Point* 6(8): 11–13. URL: <https://ctc.westpoint.edu/irans-unwavering-support-to-assads-syria/>.

Salem, S. 2025. Delicate Balancing Act: Egypt Witnesses Drop in Birth Rates, but there are Fears of Drawbacks. *The New Arab* February 13. URL: <https://www.newarab.com/news/egypt-witnesses-drop-births-there-are-fears-drawbacks>.

Savell, S. 2023. How Death Outlives War: The Reverberating Impact of the Post-9/11 Wars on Human Health. *The Watson School of International and Public Affairs* May 15. URL: <https://costsofwar.watson.brown.edu/papers/how-death-outlives-war>.

Slavin, B. 2025. The Persistence of Iran's "Axis of Resistance". *ISPI = Italian Institute for International Political Studies* May 28. URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/the-persistence-of-irans-axis-of-resistance-209812>.

Šāhīn, K. 2016. Al-'arāmil fī Sūrīyā: mā lam taquluhu l-ḥarb lakum. *Assafīr al-'arabī* Febrāyir 25. URL: <https://assafīrarabi.com/ar/4444/2016/02/25/>.

The 40th Anniversary of the 1982 Hama Massacre Coincides with Rifaat al Assad's Return to Bashar al Assad. 2022. *SNHR=Syrian Network of Human Rights* February 28. URL: <https://snhr.org/blog/2022/02/28/57397/>.

UN Population Division. 2024. *World Population Prospects*. New York: United Nations. July 11. URL: <https://population.un.org/wpp/>.

Xāmene'i, A. 2013. Pāsox-e rahbar be 20 porseš dar bāre-ye «bidāri-ye eslāmi». *Khamenei.ir* Āvril 23. URL: <https://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=22406#8>.

Weeks, J. R., Getis, A., Hill, A. G., Gadalla, M. S., Rashed, T. 2004. The Fertility Transition in Egypt: Intraurban Patterns in Cairo. *Annals of the Association of American Geographers* 94(1): 74–93.

Widdershoven, C. 2017. A New Start For Egypt And Saudi Arabia's Weathered Relationship. *Oil Price* March 22. URL: <https://oilprice.com/Geopolitics/International/A-New-Start-For-Egypt-And-Saudi-Arabias-Weathered-Relationship.html>.

Wintour, P. 2025. "We Must Change": How Drought and Overextraction of Water has Run Iran Dry. *The Guardian* September 21. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2025/sep/21/we-must-change-how-drought-and-overextraction-of-water-has-run-iran-dry>.

World Bank. 2025. *World Development Indicators Online*. Washington: World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator>.

Zia-Ebrahimi, R. 2025. In Pursuit of Whiteness: Why Iranian Monarchists Cheer Israel's Genocide. *Jadaliyya* September 22. URL: <https://www.jadaliyya.com/Details/46906>.